

УДК:821.111-311.1

«ВРЕМЯ ВНЕШНЕЕ» И «ВРЕМЯ ВНУТРЕННЕЕ» В ПОЭТИКЕ РОМАНОВ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ

Елизавета Валерьевна Брежнева

соискатель кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. trelly@yandex.ru

В статье рассматривается динамика художественного решения темы времени в произведениях Вирджинии Вулф, относящихся к разным периодам творчества писательницы, и анализируется авторское видение сочетания «времени внешнего» и «времени внутреннего» в поэтике ее романов. Большое внимание уделяется анализу художественного мира поздних романов Вирджинии Вулф «Годы» и «Волны» как наименее изученных в отечественной англистике. Роман «Волны» можно считать самой успешной реализацией авторского понимания соотношения «времени внешнего» и «времени внутреннего». В романе «Годы» Вулф смогла реализовать свою концепцию времени в рамках практически традиционного романа.

Ключевые слова: английская литература; модернизм; художественное время; роман; повествование; поток сознания; Вирджиния Вулф.

Вирджиния Вулф (Virginia Woolf; 1882–1941) – английская писательница эпохи модернизма (хотя некоторые относят ее и к тем, кто предвосхитил постмодернистские тенденции), т.е. эстетической системы, основные акценты которой сделаны на новых, отличных от предшествующих эпох, способах восприятия и изображения жизни. Зарубежные ученые особо отмечают «эстетическую ценность» ее творчества [см., например: Neptonstall 2009].

Среди ключевых явлений эпохи «выделяются учения Ч.Дарвина и А.Эйнштейна, философия Ф.Ницше и А.Бергсона, евгеника и психоанализ, труды Э.Тейлора и Дж.Фрейзера, лингвистические идеи неограмматиков и Ф.де Соссюра, развитие телеграфа, радио, авиации и т.д.» [Ушакова 2010: 111]. Под влиянием этих учений сформировались и концепция «потока сознания», изображающего поток жизни (У.Джеймс), и теория архетипов, выражающих коллективное бессознательное (К.Юнг), и новая трактовка времени и пространства (теория относительности А.Эйнштейна), и игра с памятью (А.Бергсона), так много привнесшие в поэтику модернизма. Тема времени – одна из основных в творчестве Вирджинии Вулф; она актуальна в контексте рассмотрения личности писательницы, ее нравственных установок, являющихся, по сути, моральными установками эпохи первой половины XX в., эпохи значительных новаций в искусстве.

Эти установки затрагивают отношение к жизни, ее воспроизведение в искусстве, соотношение жизни и творчества и, конечно, поиск способов художественного воплощения этих отношений.

С философской точки зрения «время – одна из форм бытия материи, которую можно определить как длительность» [Орлов 2001: 162]. В классическом философском понимании время однонаправленно и необратимо течет только от прошлого к настоящему и будущему. Категория времени имеет ключевое значение не только в философии, математике, астрономии, но и в гуманитарных науках в целом. В XX в. концепция времени в основном опирается на теорию относительности А.Эйнштейна, постулирующую связь времени с пространством и движением материи, определяющую его относительность, «субъективность» его трактовки. «Для каждого человека существует свое субъективное время. Само по себе оно не поддается измерению. Можно уточнить связь времени с цифрами, пользуясь часами, сравнивая поток переживаний... с потоком других переживаний» [Эйнштейн 1935: 7]. В культуре начала XX в. доминировала идея о том, что «времени не существует, а иллюзия времени возникает в статичном мире из-за непрерывного изменения внимания наблюдателя» [Руднев 1996: 6]. Думается, что именно концепции А.Эйнштейна «подказали» писателям-

модернистам новую технику «обработки» реальности.

По мнению А.М.Жарова, «в английской прозе слово “время” встречается среди первых 500 наиболее употребимых слов» [Жаров 1978: 6]. Очевидно, восприятие различных аспектов действительности через призму временных характеристик является одной из особенностей картины мира, сформировавшейся в сознании англичан. А такие особенности английского менталитета, как сочетание традиционности и умеренности, с одной стороны, и индивидуализма, с другой, объясняют особый, амбивалентный концепт времени, сформировавшийся в сознании носителя английского языка. В английском языке при обращении к концепту времени большей частью используются термины, обозначающие «асимметричные горизонтальные пространственные отношения» между событиями [Boroditsky 2001]. Это значит, что соотношение пластов прошлого, настоящего и будущего на горизонтальной оси времени, а также всевозможные временные сдвиги по горизонтали, монтаж временных пластов занимают особое место в языковой картине мира англичан. Отсюда проявление повышенного внимания к теме памяти (воспоминаний) как средству своеобразного возврата в прошлое по горизонтальной оси, а также – к фантазиям и мечтам литературных героев, направленным в будущее, постулирование одновременности сосуществования в человеческом сознании (памяти) прошлого и настоящего. Стремление «английского» сознания к упорядоченности и в то же время к повышенной субъективности в выражении восприятия времени, легко «впитавшее» идеи модернизма об относительности времени, образа времени как главного «двигателя» жизни, как процесса, как потока, как изменения, является причиной обращения к проблеме времени Вирджинии Вулф.

Существует мнение, что Вулф в полной мере отразила взгляды французского философа А.Бергсона, который «освободил» концепцию времени от искусственных, как он и его последователи полагали, математически точных показателей часов и создал концепцию «внутреннего», субъективного времени, существующего в сознании человека. Предполагается, что внутреннее, «психологическое» время более естественно для индивида. И несмотря на сомнения критиков относительно того, действительно ли Вулф была знакома с работами А.Бергсона или пришла самостоятельно к сходным выводам, факт реализации подобной концепции в произведениях писательницы очевиден. Тезис модернизма о том, что надо говорить не о самой реальности, а о смене

впечатлений от нее, в полной мере воплотился в прозе Вулф, которая заостряет внимание читателя на переживании, «проживании» события, на воспоминании о нем и т.д. Писательница исходила из того, что само текущее в вечности время объединяет прошлое и настоящее героев. Вот почему с темой времени в ее произведениях тесно связана тема памяти как жизненного опыта. Процесс воспоминаний протекает во времени и реконструирует нечто, протекавшее во времени. Память – «вечное томление по вечной юности, которая всегда здесь и всегда ускользает» – именно в подобной интерпретации тема памяти становится центральной у Вулф и пересекается с темой времени [Грешных, Яновская 2004: 65].

Время в эстетике и поэтике Вулф – это и свой, особый, в бахтинской терминологии, «хронотоп», который можно охарактеризовать не как «гостиная» или «дорога», что свойственно литературе XIX в., а как нечто одновременно более крупное в плане анализа, но и более частное для каждого персонажа: единство времени и пространства «здесь и сейчас» [Бахтин 1975: 301]. Но хронотоп «здесь и сейчас» не сводим к единству времени и места, постулируемому классицистической драмой; а скорее, он ведет к пониманию неосознанности ощущения персонажем того, что с ним происходит в конкретном месте в конкретную минуту. Именно сочетание *этого* места и *этого* времени вызывает у героя те или иные ассоциации, мысли, душевные переживания, протекающие во времени и рожденные течением времени и возникающие на основе его индивидуального внутреннего времени. Время – это «призма», сквозь которую персонажи воспринимают окружающий мир: кто-то живет сиюминутными порывами, кто-то лелеет мечты о будущем, а другие уже ничего не ждут от этого будущего и живут только прошлым: «Ночь за ночью зима и лето, грохот бурь и стрелою жужжащая ведренная тишина без помех справляли свою тризну...ночь, день, месяц, год – все мутно слилось» [Вулф 2004а: 145]. Тема времени присутствует в романах Вулф, как уже было замечено ранее, и отдельно. В этих случаях время выходит на первый план и играет, как маяк в одноименном произведении писательницы, едва ли не ведущую роль: «Потому что пришел тот миг, когда зябло дрожит неуверенная заря, когда ночь застывает, когда одно перышко может все перевесить» [там же: 147].

Недаром даже названиями романов Вирджинии Вулф служат единицы измерения времени: «Годы» – само название напрямую относит нас к теме времени; роман «Миссис Дэллоуэй» первоначально должен был называться «Часы» (*The*

Hours). Время постоянно присутствует в тексте романов то в качестве упоминания об отбывающих время курантах, то как описание звучания Биг Бена, которое «вмешивается» в ход мыслей героини и меняет их: «Ударом Биг Бена. Вот! Гудит. Сперва мелодично вступление, потом непреложно – час» [Вулф 2006б: 32]. «Жизнь быстротечна, – как будто бы говорит нам автор, – и нужно ценить каждое ее мгновение». Не случайно одна из частей романа Вулф «На маяк» называется «Время проходит» (*Time Passes*). В ней осознается неумолимый бег времени и микроскопичность человека, находящегося внутри вечного и неостановимого потока. В плане композиции, на уровне внутренней формы, романы Вулф устроены так, что один день может длиться на протяжении всего романа (например, романы «На маяк» и «Между актами»), а десять-двадцать лет могут «пролететь» всего на двенадцати страницах. И то, что эти годы прошли, мы понимаем буквально из нескольких замечаний героев: «Да только с той поры, прости господи, много воды утекло... Она так и видела ее в этом сером плаще» [Вулф 2004б: 147]. Именно поэтому фраза «нечто вечное сделавшая из мгновения» [Михальская 1998: 32] весьма точно характеризует писательницу. В романах Вулф «овнешнен» минимум сюжета, но жизнь не застыла в пространстве, наоборот, каждое слово и каждая реплика наполнены дыханием времени, поскольку много важного для человека происходит в каждый данный момент его жизни, а момент – это минимальная составляющая времени, хотя у Вулф он может быть разной протяженности. Все важные фактические события (исторические и социальные) либо указываются в квадратных скобках как сухие, информативные факты: «[Мистер Кармайкл той весной выпустил сборник стихов, который имел неожиданный успех]» [Вулф 2004б: 147], либо упоминаются вскользь, используются как фон для создания более точной картины: «Летним вечером под шелест сада в открытых окнах в гостиной обсуждали сточную трубу» [Вулф 2005: 377]. Очевидно, что личные переживания героев наиболее важны для автора, они «вписаны» в социально-историческое время, в контекст мировых событий, но «проживаются» и переживаются эти события каждым персонажем в отдельности и по-разному. Именно на этом делает повествовательный акцент В.Вулф: в каждый данный повествовательный момент мы видим событие, «проживаемое» персонажем в уме, в сознании «здесь и сейчас», «на глазах читателя», и только в таком виде оно становится «частью» сюжета. Время в подобных произведениях «манипулированное»: сжатое, развернутое,

ретардированное, ускоренное, остановленное, т.е. во всей полноте отражающее эйнштейновскую «относительность» времени.

Ощущения и мысли переплетены в сознании «обычного человека», живущего «здесь и сейчас», в окружении *этого* быта, *этих* предметов, *этих* реалий. Здесь необходимо видеть причину повышенного внимания к деталям внешнего мира в их глубоко «субъективизированной» форме, а также внимание к ощущениям, чувствам, настроениям героев, выливающееся в высокий психологизм прозы писательницы. Романы «На маяк», «Миссис Дэллоуэй», «Между актами», «Волны» можно справедливо отнести к произведениям, в которых подобная техника повествовательной субъективизированной, психологичной «обработки» внешнего мира доведена до совершенства.

Историки литературы выделяют три этапа творчества писательницы: первый – до 1922 г., второй – с 1922 по 1928 г. и третий – с 1928 по 1941 г. На каждом этапе творческого пути очевидны «свои» особенности «взаимоотношений» автора и ее героев со временем.

В третий период творчества были созданы «Орландо» («Orlando» 1928), «Волны» («The Waves» 1931), «Годы» («The Years» 1937) и «Между актами» («Between the Acts» 1941). Обратимся к рассмотрению проблем времени в двух романах данного периода: «Волны» и «Годы».

Роман «Волны» – пример импрессионистской техники письма, сопряженного с психологическим исследованием одновременности нескольких потоков мыслей [Naar, Hoffman 1999]. «Волны» считается наиболее характерным для писательницы произведением. Многие ученые отмечают его повышенную метафоричность, «магию» его аллюзий и художественных описаний [Sampson 2010]. Так же, как и в романах второго периода, в романе «Волны» Вирджиния Вулф рассматривает время как высоко индивидуальное, субъективное, изменяющееся, в отличие от традиционного времени, измеряемого часами. Но в этом романе, как ни в одном другом, импрессионистский метод писательницы доведен до совершенства. На протяжении романа перед нами даже не шесть персонажей, а шесть практически бестелесных голосов, сменяя друг друга, размышляют о сущности бытия, о времени и памяти, о любви и дружбе на фоне вечно ударяющихся о берег волн, символизирующих вечность времени и бренность человеческого существования. Как следует из дневниковых записей писательницы, роман получился квинтэссенцией ее творческого усилия, наиболее полно отражающей личные «взаимоотношения» писательницы

со временем: «... жизнь оказалась быстротечной и нечего предъявить, кроме маленьких книжек. Вот почему я топаю ногой и останавливаю мгновение» [Вулф 2009: 404].

Писательница выступает против преимущества традиционного времени над внутренним временем индивида, утверждая, что время, основанное на наблюдениях физики, не естественно для человека. Традиционное время всегда одинаково, каждый день состоит точно из 24 часов, измерения имеют циклическую природу. Время в сознании человека, как и внешнее время, имеет повторяющуюся природу, но повторы происходят на внутреннем уровне. Вулф пытается передать время как поток, и лишь в поздних романах (начиная с «Волн») она находит нечто стабильное в этом потоке. Эта стабильность выражается повтором одних и тех же статичных моментов в романе.

Вулф фиксирует ощущение постоянства двумя способами: ощущением возврата к прошлому или остановкой момента, внутри которого происходит возвращение. Чтобы человек мог оценить свое внутреннее время, должен существовать некий стабильный стандарт, относительно которого время может измеряться. У Вулф этим стандартом является момент переживания.

Новая модель времени у Вулф формируется при помощи приемов, объединяющих эпизоды, которые повторяются на протяжении романного повествования. Одним из таких сквозных для творчества Вулф приемов является бой часов. Он «заставляет» героев осознать их отдаленность от прошлого, разрыв с ним, помещает их в момент настоящего, такой неустойчивый.

Антитеза времени «внутреннего» хронологическому времени особенно важна в понимании структуры «Волн». Эластичности «внутреннего» времени противопоставляется математическая жесткость хронологического времени; так, звук часов, измеряющих время, постоянно врывается в мысли героев. «Да, но вдруг слышишь тиканье часов. Окунувшись в этот мир, вдруг замечаешь существование иного. Какая мука!» [Вулф 2006а: 211]. Бернارد как никто другой чувствует это, а его друг Невил даже старается всеми силами «остановить время, отменить тиканье часов» [Lucenti 1998]. Основным маркером «внутреннего» времени является воспоминание, при помощи которого герой «путешествует» в прошлое, физически существуя в настоящем.

Прошлое и настоящее объединяются в романе: персонажи вспоминают исторические события и прошлые времена, внутренне значимые для них. Идеи, высказанные в прошлом, продолжают жить в сознании людей, живущих в настоящем.

«Ты читаешь Байрона. Отмечаешь места, оправдывающие твой собственный нрав. Вижу, вижу пометы против каждой фразы, выказывающей натуру язвительную, но страстную; горячность на лампу бросающегося мотылька» [Вулф 2006а: 67]. Герои романа периодически возвращаются в прошлое, чтобы обогатить свою личность историческим «багажом». Так они ощущают себя одним целым с человечеством: «Невил говорил, – пусть Бернارد начинает... Бернارد говорит, все на свете – история. Я – история. Луис – история» [там же: 29].

Ощущение возвращения к прошлому создается при помощи повторения одних и тех же воспоминаний в сознании разных героев. Прием потока сознания, как и у Джойса, «смешивает» пласты прошлого, настоящего и будущего, постулируя их неразделимость в сознании человека. Но у Вулф поток сознания – это и своеобразный авторский «бунт» против ускользающего времени.

Отметим, что, в отличие от Дж. Джойса, Вулф «редактирует» поток сознания каждого из героев, чтобы он полнее «работал» на выражение авторских идей. В романе существует один персонаж, который «понимает» время лучше, чем другие, – это Бернارد, и его монолог выражает авторское понимание времени. «Внутреннее» время в романе так же, как и в предыдущих произведениях, превалирует над «внешним». Уверенная в своих творческих возможностях, Вулф создает «Волны», где в полной мере изображает неизменный момент, противостоящий потоку времени. В произведении акцентируется длительность времени индивидуального существования, изображенная контрастно по отношению к сегментам хронологического времени, которые неизменно одинаково отмеряют часы. Для Вулф прошлое и настоящее текут вместе как одно целое. В романе прослеживается связь между людьми, живущими в настоящем и жившими в историческом прошлом. Автор раскрывает идею о том, что индивид одновременно творит историю и претерпевает ее влияние, изменяющее его самого.

История объясняет отношение индивида, живущего в настоящем моменте, к потоку времени. В анализируемом романе Вулф еще раз обращается к идее непрерывного потока. Шесть персонажей путешествуют в нем от детства, полного ожиданий, к зрелости – кульминации повествования и к финалу романа, полному ощущения крушения иллюзий героев. Разные события их жизни формируют «гребни» волн – наиболее значимые моменты их жизни. Важными для героев эпизодами являются их соседство в детстве, их расставание и отъезд в разные школы, воссо-

единение в лондонском ресторане после колледжа, выбор разных дорог в жизни, окончательное воссоединение в Хэмптон Корт в зрелости. Возможность того, что герои являются шестью сторонами одной личности, звучит в устах Бернарда в его финальном монологе: «Я даже не могу с уверенностью сказать, кто я – Джинни, Сьюзен, Невил, Рода, Луис; и как мне отделить от их жизней – свою» [Вулф 2006а: 213]. Некоторые зарубежные литературоведы также полагают, что шесть голосов романа составляют разные стороны одной личности [Sampson 2010]. Параллельно эпизодам, воспроизводящим этапы жизни героев, мы видим движение солнца от рассвета к закату. Время измеряется солнцем, как часами. Так в текст романа вторгается хронологическое время.

Шум волн представляет вечный голос, отсчитывающий время, который продолжит существовать независимо от героев [Naar, Hoffman 1999]. Образ моря в романе символизирует бесконечную природу времени. Не случайно А.А.Колотов постулирует наличие в романе своеобразного «условного метафорического пространства и времени» [Колотов 2000: 153]. Так, например, несобственно-прямая речь героев указывает на то, что действие романа происходит «здесь и сейчас», но непонятно, где и когда точно существует это «здесь и сейчас». Исследователь отмечает полное самоустранение автора, обращая внимание на то, что «развоплощается не только автор, но и сами герои становятся бесплотными голосами в условном метафорическом пространстве... конкретное время не важно, и лишь портрет королевы Александры говорит о том, что сейчас первое десятилетие XX века, это единственное упоминание о времени в романе» [там же]: «Джинни говорила, – только – сейчас... Мы расстанемся. Ты поедешь учиться в школу... А моя учительница, в пансионе на Восточном берегу, будет сидеть под портретом королевы Александры» [Вулф 2006а: 19].

Слово «time» (время) употреблено в романе 60 раз, слова «hour» как единица времени и «часы», в том числе и как прибор для его измерения, – 29 раз, т.е. через каждые 5-6 страниц: «... then tick, tick (the clock)» (тикают часы) [Woolf 2005b: 744]; «Silence falls; silence falls,' said Bernard. 'But now listen; tick, tick; hoot, hoot» (Паузы падают; паузы падают, – Бернард говорил. – Но послушайте; тик-так, тик-так) [ibid.]. Многочисленны также слова «moment» (момент), «instant» (миг), «day» (день), «minute» (минута), «year» (год): «Этими минуточками побега, ускользания от себя не следует пренебрегать» [Вулф 2006а: 145]; «Ну вот, – Луис говорил, – пока мы не встали, пока не пошли пить чай, поднатужусь-ка я и ос-

тановлю, удержу мгновенье. Это останется. Мы сейчас разбредемся; кто чай пить; кто играть в теннис; я – показывать свое сочинение мистеру Баркеру. Это мгновенье останется» [там же: 30]. Можно сказать, что роман «насыщен» ощущением довлеющего характера физического времени: «И что же – это конец истории?.. Дайте-ка стол потрогаю – вот – и верну себе ощущение времени» [там же: 206].

Роман «Годы» повествует о жизни нескольких поколений семьи Парджитеров. В данном романе писательница соединила форму и метод романов «Волны» и «День и ночь», выбрав для нового произведения форму саги, но заострив внимание читателя лишь на некоторых *моментах* из жизни героев, как будто «подсмотренных» нами в разные годы их жизни. Хотя некоторые критики и относят «День и ночь» к традиционной форме романа, Андреа Земгулис утверждает, что Вулф нарочито придала произведению традиционную форму, полемизируя с традициями реализма, обнажая проблемы, свойственные традиционным формам романа [Zemgulys 2000]. В романе «Годы» Вулф уже не пытается преодолеть ограничивающую творческие возможности традиционную форму романа. Годы в произведении обозначены максимально подробно, как в никаком другом романе писательницы, для создания эффекта документальной достоверности: каждая глава начинается с указания года, когда события происходят: 1880, 1891, 1907, 1908, 1910, 1911, 1913, 1914, 1917, 1918 гг., наши дни. Автор вступает в повествование, рассказывая о каждом из обозначенных лет начиная с описания времени года так же, как в романе «Волны»; в начале каждой главы этого романа дается зарисовка морского пейзажа, являющаяся метафорической подачей возраста героев. Несмотря на то что действие романа «охватывает» около пятидесяти лет, повествование в большей степени фокусируется на «незначительных» частных деталях жизни героев, что придает произведению своеобразную эпичность. За исключением первой, события каждой части происходят в течение одного дня года, заявленного в заглавии, и каждый год определяется особым моментом цикла времен года.

В начале глав, а иногда в качестве перехода между частями одной и той же главы, Вулф как бы с высоты птичьего полета описывает изменяющуюся погоду как в Лондоне, так и в сельской местности и лишь затем фокусирует внимание на своих героях. Эти описания «перемещаются» по всей Англии, при этом редко «выходят» за пределы Британии.

В романе «Годы», в отличие от «Волн», подобные зарисовки служат не для создания алле-

гории, а для усиления психологизма произведения, в том числе и для своеобразной подготовки читателя к восприятию настроений героев. Так, действие романа начинается со слов «Весна была неровная» [Вулф 2005: 3], что предвосхищает дальнейшую информацию, например, о состоянии больной жены полковника Парджитера, состояние которой также можно назвать неровным: она чувствует себя то лучше, то хуже.

В этом романе Вулф использует приемы, к которым она обращалась ранее: дает «поток сознания» и те детали внешнего мира, которые этот поток «рождают», передает «мгновения бытия», представляет один день в жизни героя как микроскоп, воспроизводит прошлое в мгновении настоящего, бросает взгляд на настоящее сквозь призму прошлого. Так, в «эпическом» масштабе, подобном масштабу саги, но емко, при помощи всего одной фразы автор рисует текучесть времени и нескончаемую смену дней: «Один из бесконечного хора дней, сменяющих друг друга, покуда годы чередуют зелень и багрянец» [там же: 235]. Автор пристально наблюдает за ходом времени и существованием человека во времени: детство, молодость, зрелость, старость.

Частотное «внедрение» внешнего объективного времени в романе «Годы» минимизировано, по сравнению с предыдущими работами, несмотря на подробный отчет о годе, в течение которого, как уже говорилось, происходит действие каждой последующей главы. В романе «Годы» бой часов, скорее, используется как мотив, объединяющий героев во времени, а не как антитеза человеку и его внутреннему времени. Идеи несоответствия «внутреннего» и «внешнего» времени лишь иногда реализуются в образах персонажей романа.

Постоянное использование ретроспекций, как и в предыдущих романах, связано с признанием персонажем (и автором) значимости прошлого, в отличие от чисто модернистской теории абсолютного перечеркивания прошлого. Это явно ощущает Элинора, персонаж, подтверждающий авторскую идею о доминировании психологического времени: «Ее прошлое, казалось, превалировало над настоящим» [там же: 348].

Кроме того, впервые в произведении Вулф настоящий момент не заключен лишь в себе самом или в своей связи с прошлым, а связан и с будущим. Элинора, например, осознает возможный триумф будущего, выражая авторскую концепцию времени. И хотя Вулф сложно сохранить энтузиазм и веру в будущее, она возлагает надежду на молодое поколение.

Несмотря на общий пессимистичный тон эпизодов, повествующих о войне и послевоенном

хаосе, Вулф чувствует, что человеческая природа находится в процессе улучшения и мир движется ко времени, когда добро одержит победу над злом. Именно поэтому в заключении романа Элинора видит в молодой паре новое начало и продолжение движения в сторону добра.

Ощущение потока жизни перманентно в романе: от первой до последней главы, от начала романа до его открытого финала не исчезает продолжительность истории. И хотя мир, охваченный войной, уродлив и запутан, последняя фраза романа является своеобразной антитезой этому ощущению. Вулф чувствует, что катастрофа надвигается на мир, но надеется на благополучное, мирное будущее.

Итак, тема времени пронизывает все творчество В. Вулф, появляясь и развиваясь на всех трех уровнях ее произведений. На уровне внутренней формы, прежде всего сюжета, субъективной и пространственно-временной организации. Это очевидно в создании «хронотопов». На уровне внешней формы – в текстовыражении («приемах» модернизма): нарушении хронологии, «потоке сознания», акценте на деталях-символах, приеме стоп-кадра и т.д. На концептуальном уровне – в проблематике, теме времени, пронизывающей все произведения.

На наш взгляд, Вулф исходила из того, что время невозможно рассматривать вне человека, поскольку оно воспринимается человеком, именно он живет во времени и измеряет временем свою жизнь. Отсюда стремление писательницы изобразить текучесть человеческого сознания в каждую секунду реального времени.

Традиционная трактовка времени была слишком негибкой, чтобы удовлетворить замысел автора, для которого важно было изобразить в романе время, «растворенное» в сознании человека. Начиная с «Комнаты Джейкоба» Вулф пыталась структурировать романы вне «внешнего» времени, нарочито противопоставляла «внешнее» и «внутреннее» время в романе, и роман «Волны» можно считать пиком подобных творческих исканий и, возможно, самым успешным воплощением авторского замысла. А будучи зрелым художником, Вулф создала роман «Годы», где смогла реализовать свою концепцию времени в рамках практически традиционного романа.

Список литературы

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С.234–407.

- Вулф В. Волны / пер. с англ. Е.Суриц // Вулф В. Волны. Флаш. СПб.: Азбука-классика, 2006а. С.5–233.
- Вулф В. Годы / пер. с англ. А.Осокина. М.: Текст, 2005. 448 с.
- Вулф В. Дневник писательницы / пер. с англ. Л.И.Володарской. М.: Изд-во Рудомино, 2009. 480 с.
- Вулф В. Комната Джейкоба / пер. с англ. М. Карп. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2004а. 224 с.
- Вулф В. Миссис Дэллоуэй / пер. с англ. Е.Суриц // Вулф В. Орландо. Романы. М.: Эксмо, 2006б. С.29–185.
- Вулф В. На маяк / пер. с англ. Е. Суриц. СПб.: Азбука-классика, 2004б. 224 с.
- Грешных В.И., Яновская Г.В. Вирджиния Вулф: Лабиринты мысли. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2004. 146 с.
- Жаров А.М. Определенность и неопределенность и логика времени // Философские аспекты проблемы времени: сб. науч. тр. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С.90–99.
- Колотов А.А. Художественная структура романов В.Вулф 20-30-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2000. 214 с.
- Михальская Н.П. Вирджиния Вулф // Дудова Л.В., Михальская Н.П., Трыков Д.В. Модернизм в зарубежной литературе: учеб. пособие. М.: Флинта. Наука, 1998. С.32–56.
- Орлов В.В. Основы философии. Общая философия. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2001. 173 с.
- Руднев В.М. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1996. 384 с.
- Ушакова О.М. Модернизм: о границах понятия // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6(12). С.109–114.
- Эйнштейн А. Основы теории относительности. М.: Изд-во МГУ, 1935. 150 с.
- Boroditsky L. Does Language Shape Thought? Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time. 2001. URL: <http://www-psych.stanford.edu/~lera/papers/mandarin.pdf> (дата обращения: 30.05.2011).
- Naar A., Hoffman M. «Whose books once influenced mine»: the relationship between E.M. Forster's «Howards End» and Virginia Woolf's «The Waves». 1999. URL: http://findarticles.com/p/articles/mi_m0403/is_1_45/ai_54895474 (дата обращения: 05.08.2011).
- Heptonstall G. The Victorian Virginia Woolf. 2009. URL: http://findarticles.com/p/articles/mi_m2242/is_1692_291/ai_n32420160/?tag=rel.res3 (дата обращения: 05.08.2011).
- Lucenti L.M. Virginia Woolf's «The Waves»: to defer that «appalling moment». 1998. URL:http://findarticles.com/p/articles/mi_m2220/is_n1_v40/ai_20650633 (дата обращения: 05.08.2011).
- Sampson M. Review: The Waves, by Virginia Woolf. 2010. URL: <http://freerangereading.blogspot.com/2010/02/review-waves-by-virginia-woolf.html> (дата обращения: 05.08.2011).
- Woolf V. The Waves // Woolf V. Selected Works of Virginia Woolf. L.: Wordsworth Editions, 2005b. P.639–779.
- Zemgulys A. «Night and Day Is Dead»: Virginia Woolf in London «Literary and Historic». 2000. URL: http://findarticles.com/p/articles/mi_m0403/is_1_46/ai_63591264/ (дата обращения: 05.08.2011).

“OUTER TIME” AND “INNER TIME” IN POETICS OF VIRGINIA WOOLF’S NOVELS

Elizaveta V. Brezhneva
Graduand of World Literature and Culture Department
Perm State University

The article considers the dynamics of the theme of time in Virginia Woolf’s novels, belonging to different periods of the writer’s oeuvre, and analyses the combination of the so-called “Outer Time” and “Inner Time” in her poetics. Special attention is given to the literary world of Virginia Woolf’s later novels “The Years” and “The Waves” as least studied in Russian Anglistics. “The Waves” can be considered as the most successful in terms of realisation of the writer’s understanding of the relationship between “Outer Time” and “Inner Time”. In “The Years” Woolf realised her concept of time almost in the framework of the traditional novel.

Key words: English literature; modernism; literary time; novel; narration; stream of consciousness; Virginia Woolf.